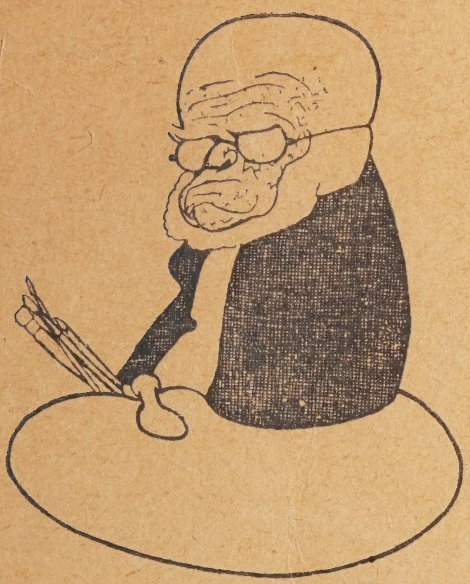
А. РАДАКОВ.

КАРИКАТУРА



Универсальное Научное Издательство „УНИЗДАТ“
ХАРЬКОВ
1929

А. РАДАКОВ.

КАРИКАТУРА

Универсальное Научное Издательство
ХАРЬКОВ
1929

Упрліт № 1061. Тираж 5000 экз. 2 л. Зак. № 1537.

Типография Гидрографического Управления Упр. В.-М. Сил РККА, Ленинград
зд. Гл. Адмиралтейства.

Художественная карикатура.

I

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

(*Статья Вадима Лесового*).

Карикатура—обиженное искусство. Оно обижено и критиками, и публикой, и самими художниками. Родная сестра карикатуры—литературная сатира—давно уже добилась признания своих художественных прав и заняла такое же почетное место в ряду искусств, как и все остальные виды изящной словесности.

И не одна только общественная, но и чисто-художественная ее ценность прекрасно понята, взвешена и признана. Много великих мастеров слова отдали ей все силы своего таланта, и не только создали на ней свою славу, но и возвели сатирическую литературу на степень совершеннейших образцов искусства. В наше время никому уже не придет в голову смотреть на сатиру, как на литературу какого-то «низшего» порядка по сравнению с поэзией и прозой серьезного характера. Роль сатирика в глазах культурного общества ничуть не менее почетна, нежели, например, роль романиста. И даже для широкой читательской улицы «сатирик» и «зубоскал» давно уже перестали быть синонимами.

Иное отношение наблюдается к карикатуре: ее и вообще-то за «настоящее» искусство почти не считают!

И если в ее огромной общественной роли сомневаться давно уже стало невозможно, то в чисто-художественном ее значении, в ее самодовлеющей ценности, как особого рода искусства, подчиненного своим особым законам, пользующегося для своих целей особыми, строго-рассчитанными приемами и методами,—ей и до сих пор отказывают.

Отказывают прежде всего сами же художники.

Пейзаж, жанр, архитектура, скульптура, портретная, историческая, стенная, какая угодно живопись—вот те области изобразительного искусства, которые всегда привлекали художественные силы.

А карикатура—нет... Большие художники за редкими исключениями отдают ей дань лишь мимоходом, лишь изредка позволяют себе снизойти до карикатуры, чтобы в веселую минуту набросать какую-нибудь комическую сценку.

Профессиональными карикатуристами у нас становятся по большей части только тогда, когда больше делать нечего, когда не хватает настойчивости или таланта, чтобы достигнуть значительных результатов в других родах живописи.

Такое же отношение к карикатуре сохраняется и в обществе. Карикатура в глазах публики—отнюдь не произведение искусства, а просто забавная картинка, которую, посмеявшись, не грех затем бросить и под стол.

Признавая безоговорочно артистические права комика-актера или комика-писателя, общество отказывает в таком признании комику-художнику; его произведения почти не находят себе места в наших картинных галлереях и других собраниях образцов искусства, публика не вставляет их в рамы и не украшает ими стен своих домов, критика не уделяет им почти никакого внимания, а историки искусства не находят места для исследований о карикатуре на страницах своих сочинений, не считая этого существенным пробелом.

Поскольку дело идет специально о русской карикатуре, такое отношение может быть, впрочем, оправдано тем крайне невысоким уровнем, на котором она находилась до последних 10—15 лет. В то время как русская живопись давно уже заняла почетное место в мировом искусстве,—карикатура наша продолжала влачить чрезвычайно жалкое существование: лет двадцать назад у нас, можно сказать, совсем не было художественной карикатуры.

Даже такие популярные карикатуристы прошлого века, как Теребенев (сатирик Наполеоновского нашествия) или Степанов, издававший вместе с Курочкиным знаменитую «Искру», имели, собственно говоря, очень смутное понятие о настоящей карикатуре, о ее методах и средствах. Их карикатуры всецело исчерпываются содержанием и не имеют никакой самостоятельной художественной ценности.

Отнимите у них это содержание, вычеркните подписи, и вместо карикатур останутся обыкновенные, не особенно грамотно исполненные рисунки. Карикатуристам, повидимому, даже в голову не приходило, что приделать к обыкновенному лицу какой-нибудь несоразмерной величины нос, не значит еще создать художественную карикатуру, что здесь также соблюдается своеобразная пропорциональность частей, что здесь имеется своя логика, нарушение которой также антихудожественно, как в живописи, скульптуре или архитектуре. Сравнительно не так давно в наших юмористических журналах с увлечением практиковали такой прием: брали фотографию того лица, которое желали изобразить, и пририсовывали к нему миниатюрное туловище с крохотными ручками и ножками. Получался этакий головастик. И такое произведение гордо называлось «шаржем», между тем это просто безобразный рисунок, обнаруживающий полное непонимание сущности и задач карикатуры. К сожалению, этот безвкусный прием, казалось, сданный уже навсегда в архив, вновь воскрес в самые последние годы под названием «фото-монтажа». Конечно, это затейливое название не придало ему блеска и не изменило его антихудожественной сущности.

Однако, если пренебрежительное отношение к карикатуре находит себе оправдание в прошлом, то в настоящее время оно представляется сплошной несправедливостью. За последние двадцать лет русская карикатура поднялась на небывалую высоту.

Современные карикатуристы. И Малютин. „Новый быт“.

Теперь и у нас есть уже карикатуристы, которых следует поставить рядом с выдающимися современными рисовальщиками.

Для появления их, как и вообще для развития карикатуры, долгое время не было необходимых условий, так как между карикатурой и общественностью существует неразрывная связь, которая и приводит к тому, что карикатура может развиваться только при наличии известных социально-политических условий.

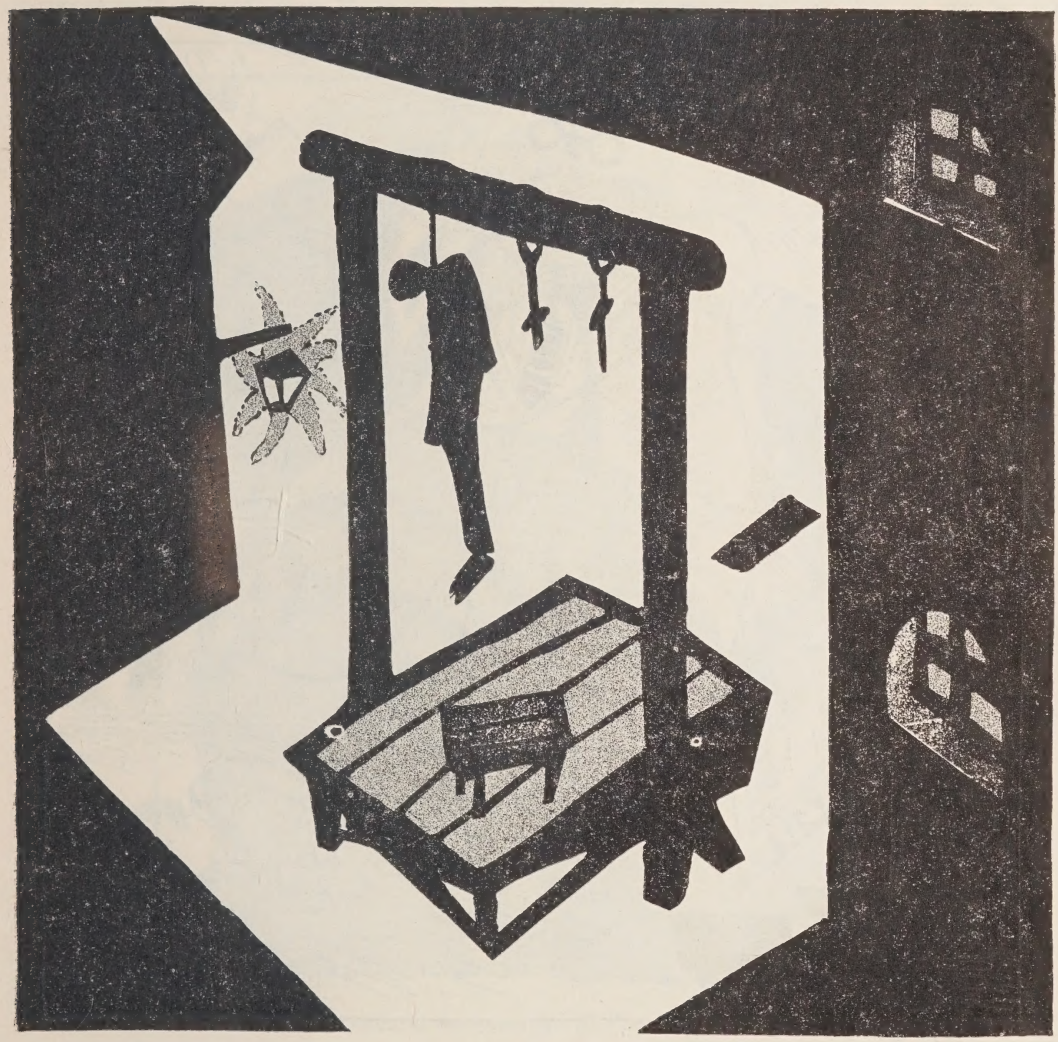
Современные карикатуристы. Рис. Лебедева.

Из всех графических искусств карикатура наиболее насыщена общественным содержанием. При отсутствии этого элемента она мельчает, бледнеет, становится скучной, худосочной и «беззубой». Цензурный гнет, который уродует и душит более или менее все виды искусства и литературы, особенно убийственен для карикатуры. Сатира «с дозволения начальства» никому не нужна, никого не удовлетворяет, и от нее отворачиваются как зритель, обладающий хоть крупицей вкуса и мозга, так и сами художники.

Вот почему до революции 1905 г. у нас, в сущности, не было карикатуры. На фоне нашей жизни тускло и скучно подхихикивали журналы «Осколки», «Будиль-

ник», «Стрекоза», изощряя свое остроумие на тещах, пьяницах, рогатых мужьях, мелких обывательских сплетнях и изредка поругивая «англичанку», которая неизменно строит нам козни.

Понятно также, почему после революции 1905 г. сразу появилось множество



Современные карикатуристы. Рис. Л. Бродаты.

сатирических и юмористических журналов, почему они привлекли к себе лучшие наши художественные силы и дали блестящие образцы карикатуры, как в общественно-политическом, так и в художественном смысле. Наиболее ярким из них был «Зритель», к сожалению, существовавший очень недолго.

Но самую большую роль в создании художественной карикатуры сыграл журнал «Сатирикон». Влияние его художников (Ре-ми, Радакова, Лебедева и др.) до сих пор чувствуется на многих современных карикатуристах. Это был первый сатирический журнал, имевший определенную художественную физиономию. Если вначале он взял себе за образец известный немецкий журнал «Симплициссимус», то затем

Современные карикатуристы. Рис. В. Козлинского.

вскоре освободился от этого влияния, стал оригинальным и, насколько позволяли рамки цензуры, ярко отражал русскую жизнь в быте и в политике.

Поднятая «Сатириконом» на высоту подлинного искусства карикатура не опустилась (по крайней мере, в графическом отношении) до прежнего уровня безграмотности даже тогда, когда условия для ее развития стали неблагоприятными. Теперь

мы имеем довольно много юмористических журналов. Лучший из них—«Смехач», объединивший вокруг себя, кроме прежних «сатириконцев» (Радаков, Лебедев, Н. Радлов, Антоновский), также и многих других художников.

Появился целый ряд новых талантливых карикатуристов. Иван Малютин, острый наблюдательный рисовальщик, великолепно владеющий техникой рисунка, чувствующий густой быт Москвы, ее церквушки, переулочки, пивные с их посети-

Современные карикатуристы. Рис. Черемныха.

телями, понимающий того среднего обывателя, который так типичен для современной Москвы.

Черемных—карикатурист чистой воды; его рисунки очень смешны и очень экспрессивны; фигуры и лица исковерканы до самой последней степени и в то же время очень реальны. Он рисует легкой, очень небрежной манерой, но за нею чувствуется большое знание рисунка.

Из карикатуристов, стиль которых не доведен до такого гротеска, шаржа и утрировки, как у Черемныха, надо отметить В. Козлинского и Л. Бродаты. Л. Бродаты рисует широкой обобщенной манерой, иногда доводя рисунок до чисто плакатного разрешения, но в то же время остро подчеркивая типичное. В. Козлинский, в элегантной и свободной манере рисунка, дает типы нэпманов и их дам, иностранную буржуазию, дипломатов в кокоток. Из карикатуристов, сила которых не в художественности рисунка, а в злободневности темы, в остроте выдумки, отметим художников-газетчиков Б. Ефимова и Де-ни.

Из статьи А. А. Радакова, напечатанной далее, вы убедитесь, как серьезно относится современный карикатурист к своему искусству, какую большую работу, не только графического, но и интеллектуального характера, совершает он, создавая свои произведения, как широко понимает он задачи карикатуры.

Современные карикатуристы. Рис. Н. Радлова.

«Карикатура—пишет Радаков—преувеличение того, что недостаточно типично выражено в природе».

Отсюда следует, повидимому, что смешные, юмористические особенности карикатурного стиля вовсе не являются сущностью этого искусства: они лишь неизбежные его спутницы, ибо выявление типа всегда поневоле будет отдавать дань юмору или сатире.

Таково уж свойство всего типичного: оно всегда или смешно или пошло, и неизбежно вызывает по своему адресу либо добродушный смех, либо гневную, ядовитую насмешку. Типичное—противоположно всему оригинальному, характерному. Если «характерное» во всяком лице или явлении есть именно то, что отличает его от прочих, что свойственно только ему одному, что делает его оригинальным, самостоятельным, ни на кого не похожим,—то «типичными», напротив, являются те

черты, которые общи многим, которые свойственны массе, классу, народу, толпе. Выявить «характерное» значит подчеркнуть черты, изъемлющие данную личность из толпы ей подобных и ставящие ее особняком. Выявить «типичное» значит, напротив, обнажить все принижающее данную личность до среднего массового уровня, растворяющее ее в толпе, следовательно, и все мелкое, смешное, мещанское, пошлое. Вот почему карикатура, отыскивающая во всяком явлении типичное, неразрывно сплетается с юмором или сатирой.

Отсюда же следует, что карикатура по существу своему есть искусство, в некотором роде, символическое.

Современные карикатуристы. Рис. Антоновского.

В противоположность реализму, она изображает не внешнюю форму лица или события. Напротив, эту форму она намеренно искажает. Нет, карикатура стремится проникнуть глубже, она дает синтез всех типичных черт и признаков того или иного явления, тот синтез, который мы называем символом.

Когда я всматриваюсь в карикатуры Щербова, Ремизова, Радакова, предо мной исчезают мало по малу отдельные чиновники, нэпманы, франты, педагоги, политические деятели, а вместо них встают во весь свой рост Мещанство, Хамство, Пошлость, Глупость, Самохвальство—понятия отвлеченные и обобщенные.

Если по существу своему карикатура—искусство символическое, то методом ее по преимуществу является обобщение. Стремление к выразительности, к экспрессивности, заставляет отбрасывать все второстепенные детали, математически взвешивать

и мудро экономить каждую линию, утрируя все основное и опуская все случайное. О Каран д'Аше рассказывают, что он учился этому методу следующим образом. Сначала он делал обыкновенный совершенно реальный рисунок с натуры или по памяти. Затем снимал с него ряд копий, постепенно все упрощая и упрощая их, оставляя только самое нужное и типичное. Получались в результате лишь схемы, условные знаки видимости, но выражающие, однако, всю ее бесконечную сложность. Подобный труд проходит незамеченным для зрителя, но он только и дает художнику то безупречное знание человека и природы, которое необходимо карикатуристу, чтобы иметь право на своевольное обобщение живой, изменчивой действительности в простые и выразительные символы. Пусть же не думает тот, кто захочет посвятить себя карикатуре, что на этом пути ждут его легкие и быстрые успехи, что здесь без особого труда и настойчивости можно добиться более значительных результатов, чем в других областях искусства.

Пора покончить с таким легкомысленным отношением к карикатуре. Оно питается последними остатками ложного представления, будто только «высокое и прекрасное» может быть предметом истинно-художественного изображения, смешное же или осмеивающее несовместимо с исканием красоты. Пора понять, что именно любовь художника ко всему «прекрасному и высокому» и является источником карикатуры: она—воплощение скорби и негодования художника, оскорбленного противоречием между идеалом и действительной жизнью.

Конечно, не всякая карикатура содержит в себе этот трагический элемент настоящей сатиры. Не всегда у карикатуриста «гневом горит его иссохшая печень», по выражению Ювенала. Часто все намерения его бесконечно добродушны, веселы и имеют в виду вызвать соответствующее настроение и у зрителя.

Но что ж из того?

Разве трагическое и комическое не могут служить одной и той же цели?

— «В руках таланта—говорит Гоголь в «Театральном разъезде»—все может служить орудием к прекрасному, если только правится высокою мыслью послужить «прекрасному».

Пусть помнит об этом тот, кто хочет рисовать карикатуры.

Вадим Лесовой.

II

ЧТО ТАКОЕ КАРИКАТУРА.

(*Статья А. Радакова*).

Цель данного очерка не знакомить читателя с историей карикатуры, а рассказать, что такое карикатура, и выяснить, какими путями происходит создание карикатуры и какие сложные законы творчества выявляют ее.

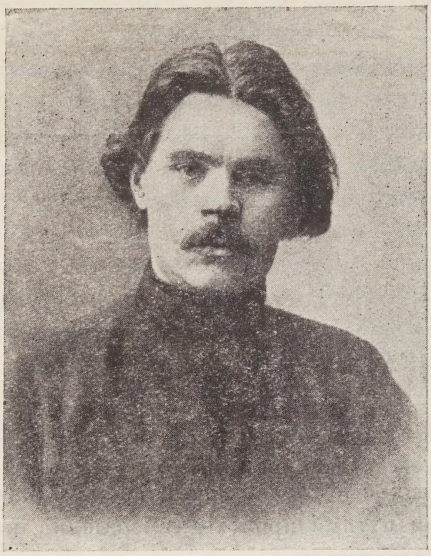
Многие профаны думают, что достаточно нарисовать неправильный рисунок,

Менцель. Шарж О. Гульбрансона.

Б. Бьернсон. Шарж О. Гульбрансона.

преувеличить какую-нибудь часть тела или сделать смешную подпись—получится карикатура. Нет, получится просто неправильный рисунок.

С таким же правом можно назвать стихотворением простой набор рифмованных слов или архитектурным произведением—кучу неряшливо набросанных камней.



М. Горький (фотография).

Гете, который сам долгое время занимался живописью, писал: «Если я точь в точь спишу мопса моей возлюбленной, то у меня будет два мопса, но еще ни одного художественного произведения». Наш художник Серов говорил: «Напишите точь в точь и будет не похоже. Надо что-то найти, что-то подчеркнуть, остро подметить». Если эти слова являются вполне справедливыми по отношению к художникам-живописцам, то они еще большее имеют значение для художников-карикатуристов.

Что такое карикатура?

Охарактеризовать карикатуру можно так: карикатура это преувеличение того, что недостаточно типично выражено в природе. Из этого понятия вытекает следующее: для выявления в карикатуре недостаточно типичного в природе необходимо иметь 1) большую художественную наблюдательность, 2) глубоко понимать психологию изображаемого предмета.

Настоящий карикатурист более чем кто-либо должен понять свою модель—дать в графическом исполнении синтез ее духовного мира. В карикатуре может быть все неправильно, на карикатуре вы не найдете ни одной черты, которая соответствовала бы оригиналу; между тем вы сразу узнаете, кого изображает художник. Более того, вы начинаете видеть в оригинале именно те черты, которые подметил карикатурист и которых вы раньше не замечали. Это происходит от того, что талантливый карикатурист, вооружив сатирическими или комическими очками свой духовный взор, видит то, чего не видят или только смутно предполагают другие.

М. Горький. Шарж О. Гульбрансона.

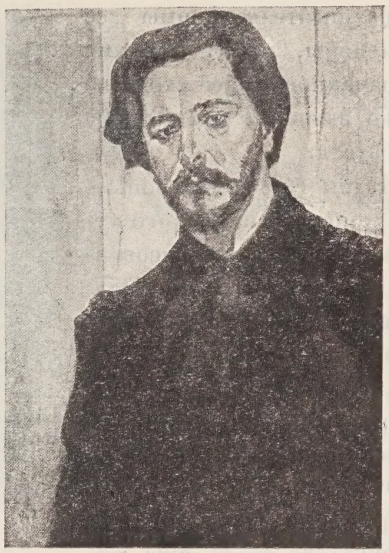
Карикатурист обнажает душу, выявляет ее в измененных чертах своего рисунка, объясняет ее окружающим. Он превращает скупца в Гарпагона, ханжу—в Тартюфа. Меткая карикатура это—волчий билет, приклеенный на достойного его. Это—доска, на которой обозначены преступления

данного субъекта. Да, карикатура это—страшное оружие у умеющего владеть им, и вполне понятно, что у карикатуристов много врагов.

Если фотографию можно назвать простым полицейским протоколом, где с одинаковой тупой педантичностью записано все, как нужное, так и ненужное, портрет можно сравнить с беллетристическим произведением, где главное господствует над затемняющими суть деталями,—то карикатуру можно сравнить с афоризмом или пословицей, где в нескольких строках выражена большая мысль, целый ряд сложных представлений.

А чтобы создать это—нужны острое зрение, наблюдательность и знание.

Для примера приведем шаржи Гульбрансона на художника Менцеля и на Горького и карикатуру Ре-ми на Андреева. Для сравнения даем фотографию Горького и портрет Андреева работы Серова.



Л. Андреев. Портрет Серова.

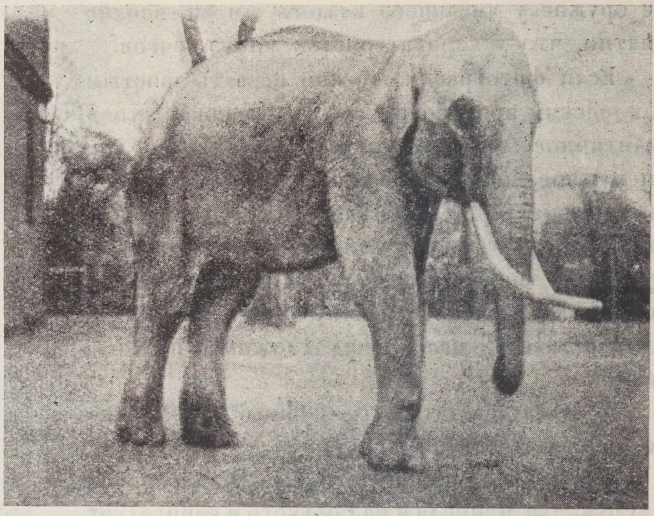
Менцель—популярный немецкий художник, бытописатель подвигов Фридриха Великого, его коронаций, битв, парадов, церемоний. Менцель—суровый реалист, чуждый всякого романтизма—выражен карикатуристом, упростившим формы полнее и психологичнее, чем на своих фотографиях, где он больше похож на какого-нибудь профессора зоологии, чем на художника. Правдивость, энергия, сила, знание и добросовестная немецкая техника, свойственная произведениям Менцеля, неуловимо отразились и в чертах шаржа Гульбрансона.

Л. Андреев. Шарж Ре-Ми.

В шарже на Андреева Ре-ми подчеркнул трагическое выражение, приподняв углом брови; в широко раскрытых глазах виден ужас. У портрета и шаржа нет ни одной общей черты, между тем шарж вполне характеризует и передает внешний и внутренний облик автора Анатемы. То же самое можно сказать и про шарж на Горького. В шарже очень подчеркнуты

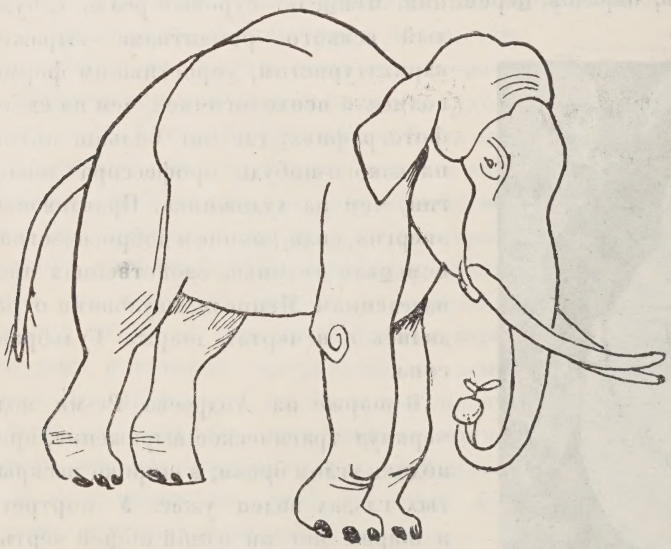
простые, народные черты лица писателя, формы все изменены, между тем, не утраченное общее сходство ярко выявляет психологию писателя.

Дадим еще два любопытных рисунка немецкого художника Триера, нарисованных по фотографии. Сравнивая рисунок бегемота и его фотографию, ясно видно, как художник обобщил формы животного, отбросил ненужные детали. Спокойное, лениво-добродушное выражение животного на карикатуре стало еще типичнее.



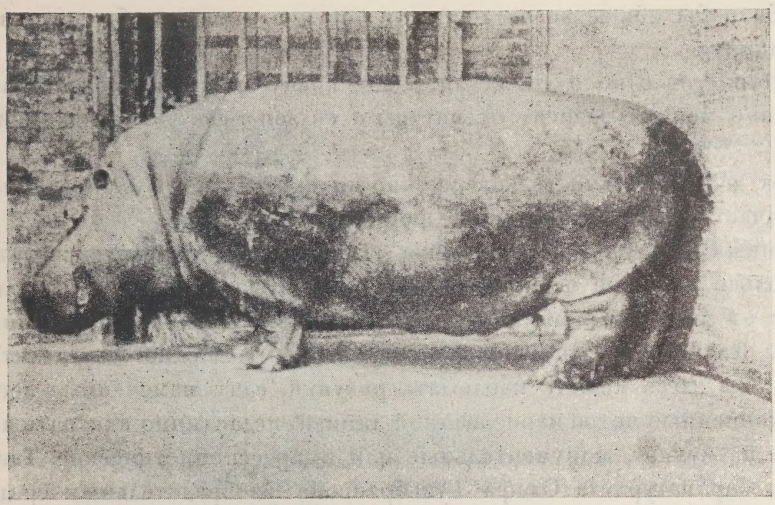
Слон (фотография).

Сравнивая второй рисунок—слона—с фотографией, тоже замечаем, что на рисунке все формы типичнее, подчеркнутее, нет ничего лишнего. Животное трактовано одними линиями, анатомически неправильными, и в то же время очень типичными.



Слон. Карикатура Триера.

Несколько других помещенных здесь рисунков английского художника Шеферда вводят нас в самую лабораторию работы карикатуриста. Мы видим здесь, какую большую черновую работу проделывал этот художник, как использовал он для своих целей натуру, и как наброски с натуры творчески преображались им в художественные карикатуры.



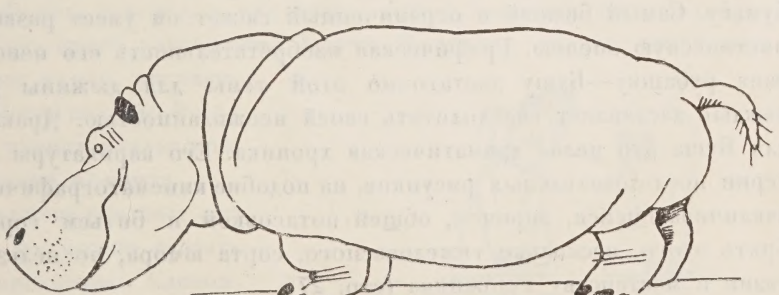
Бегемот (фотография).

ТЕХНИКА.

Карикатура требует от художника специальных, чисто индивидуальных качеств, которые у живописца могут и отсутствовать без ущерба для его творчества. Для того, чтобы найти и преувеличить типичное, недостаточно выраженное в природе, отбросить ненужное, выработать в себе чувство меры преувеличения, нужно большое проникновение в психологию данного субъекта, нужна громадная наблюдательность, нужно интуитивно почувствовать самую суть изображаемой вещи. Кроме того, нужно большое остроумие, позволяющее карикатуристу какою-нибудь небольшой, но верно понятой деталью ярко охарактеризовать свою модель, отнюдь не впадая в литературность, то остроумие, которое художнику-живописцу, преследующему иные задачи, совсем не нужно.

Кроме проникновения в натуру нужно и большое знание техники воспроизведения. Карикатуристу приходится делать трудную работу, упрощать и подчеркивать необходимое, дать синтез линий, преувеличивать черты натуры, сохраняя в то же время сходство с ней.

Когда известный французский карикатурист пришел к художнику Детайлю со своими рисунками, художник, чтобы проверить его наблюдательность, предложил ему нарисовать шарж на него в 6 линий.



Бегемот. Карикатура Триера.

Для всего этого нужно тонкое понимание формы и умение вполне владеть теми ограниченными техническими средствами, которые доступны карикатуристу. Большею частью карикатура, которая в силу необходимости рассчитана на быстрое исполнение, рисуется пером или карандашом,

раскрашивается примитивными красками, положенными большими планами. Большое разнообразие красок убило бы общее впечатление от рисунка и мешало бы зрителю сосредоточиться на главном.

Несколько карикатуристов одно и то же лицо или сцену могут изобразить по разному. Они несравненно меньше зависят от натуры и связаны ею, чем художники-живописцы.

Они воспринимают действительность совершенно индивидуально. В лаборатории их таланта натура получает самые неожиданные формы.

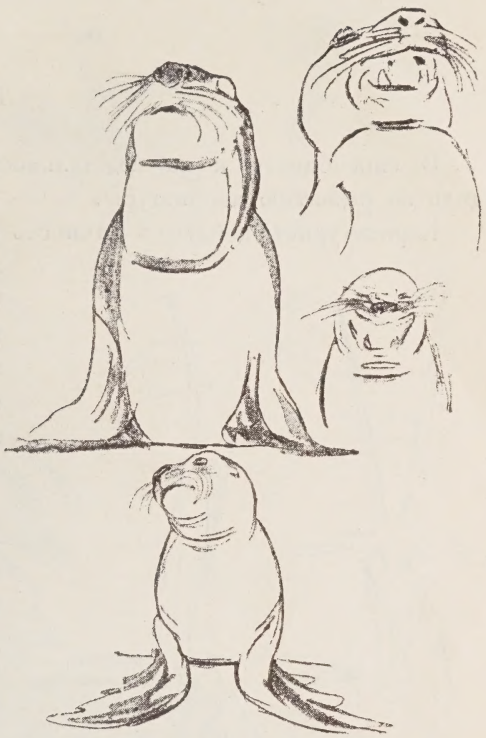
Один отмечает данный тип чисто сатирически, углубляя его душевную жизнь, другой подчеркивает только внешние особенности, не углубляясь в характер изображаемого. Точно так же от чисто индивидуальных причин зависит манера рисования каждого карикатуриста. Карикатура, как почерк, по которому можно определить характер рисовальщика. Вы здесь можете наблюдать рисунки, едва намеченные легкими штрихами, или законченные четко нарисованной линией, педантично аккуратные или нервно брошенные на бумагу, монументальные или импрессионистические. Так, у известного немецкого карикатуриста Олафа Гульбрансона изобразительным средством является только линия. Линию он довел до необыкновенной простоты, все неважное, отвлекающее внимание от сути, выброшено, осталось одно характерное, трактованное с необыкновенным пониманием характера изображаемого лица. (См. напр., шарж на Бьернсона). Внимательно разглядывая его шаржи, вы видите, точно обнаженными, души изображаемых людей.

Наоборот, французский карикатурист Леандр рисует свои карикатуры, выявляя светом и тенью форму, заканчивая детально рисунок (стр. 23). У него скорее живописная, а не графическая манера. Англичанин Бетман рисует карикатуры очень упрощенной манерой, избегая деталей, подчиняя рисунок общему ритму линий, слегка оттеняя форму тоном. (См. стр. 21).

Француз Каран д'Аш рисует карикатуры сухой линией, сильно оттеняя рисунок деталями (стр. 24, 25). Удивительный немецкий карикатурист Буш дает типичные импрессионистические рисунки, смело, нервно и как бы шутя брошенные на бумагу. Самый бедный и ограниченный сюжет он умеет развернуть в целую юмористическую эпопею. Графическая изобретательность его неиссякаема: человек надевает рубашку—Бушу достаточно этой темы для дюжины рисунков, из которых каждый заставляет вас хохотать своей неожиданностью. Драка кошки с собакой—для Буша это целая драматическая хроника. Его карикатуры развертываются в виде серии последовательных рисунков, на подобие кинематографической ленты, неизменно заканчивающейся, впрочем, общей потасовкой и битьем горшков. Можно не одобрять этого, несколько тяжеловесного, сорта юмора, но нельзя не подивиться фантазии и мастерству художника (стр. 27).

Если внимательно просмотреть историю карикатуры, то заметишь, что художники одной нации хотя и пользуются каждый своей собственной излюбленной, ему одному присущей манерой, но в общем имеют что-то общее в передаче натуры.

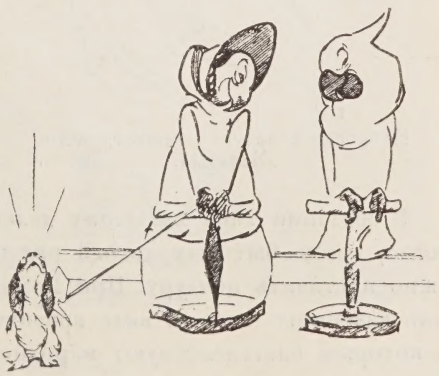
Здесь именно сказываются индивидуальные черты расы.



Карикатура и наброски с натуры Шеферда.

Так, рисунки немецких карикатуристов большею частью очень закончены, очень реалистичны, правильны в смысле верности натуры, с заботливо отделанными деталями. Они не заставляют предполагать и добавлять,—в них все ясно. В них вполне выражается спокойный, деловитый, трудолюбивый, обстоятельный характер немцев. Рисунки французов, наоборот, нервны, в них много жизни, недоговоренного остроумия, неожиданности, блестящего разрешения задачи. Намечено только самое важное, это—легкие нервные кроки, рисованные только под впечатлением натуры. В них сказывается гальская впечатлительность, нервность, яркое понимание момента.

Карикатуры англичан очень реальны, это почти иллюстрации; то же можно сказать и про американские карикатуры. Словом, несмотря на разнообразие техники разных карикатуристов одной страны, в общем все они имеют что-то общее в понимании сюжета, общее, свойственное всей нации.

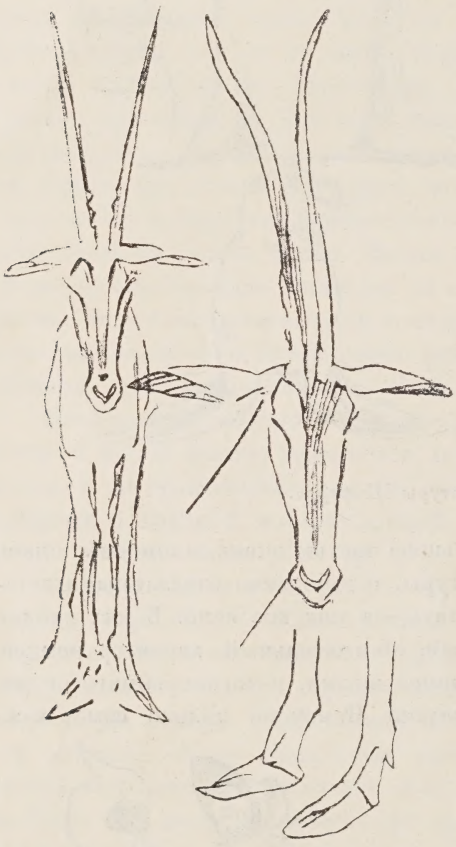


Карикатура Шеферда.

ТИП.

О способности к наблюдательности и широкому анализу у народа—можно судить по развитию карикатуры.

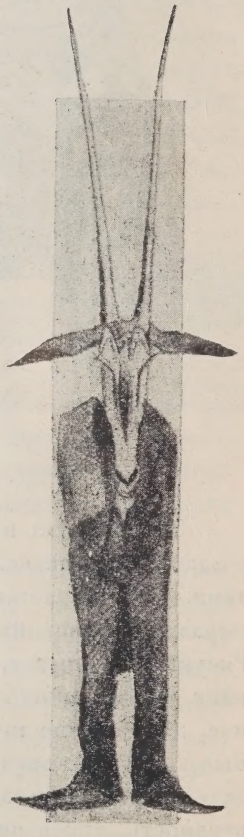
Карикатурист, наблюдая личность или целый класс, подвергая свои наблюдения художественной обработке, углубляя и сжимая их, так сказать, в один образ, дает уже символ, графическую формулу целого класса или целой нации.



Наброски с натуры карикатуриста Шеферда.

Здесь произошло создание карикатуристами какого-то графического эсперанто.

Для примера возьмем карикатуры на Людовика Филиппа, лицо которого французские карикатуристы, по цензурным условиям, рисовали грушей, которая вполне выражала внешний вид этого короля-буржуа (стр. 22). Бисмарка изображали всегда с тремя волосами (эмблема тройственного союза), благодаря которым, даже у плохих карикатуристов, его можно было узнать.



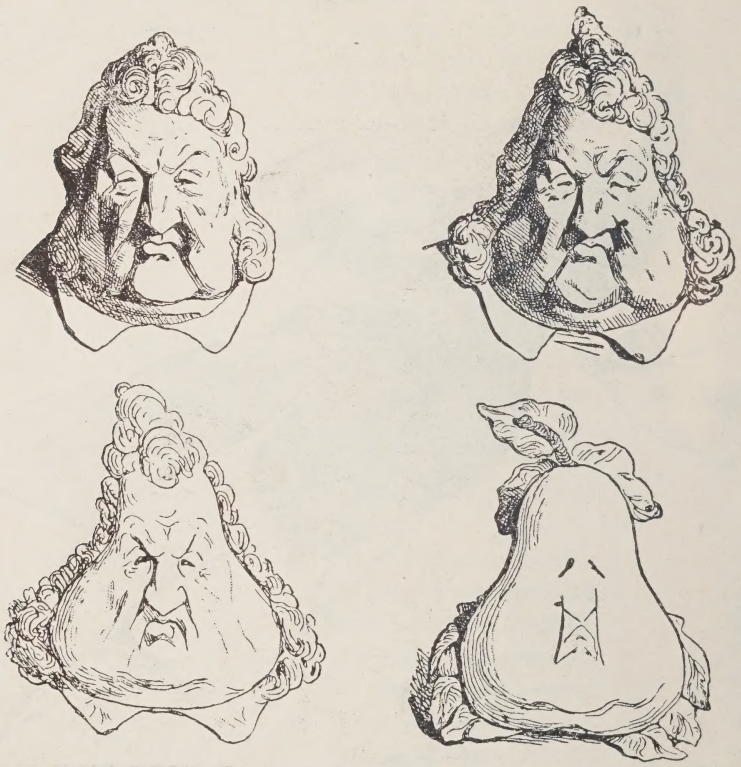
Карикатура Шеферда.

В создании типа мы стоим далеко не на первом месте; отчасти этому способствовал, кроме бытовых, целый ряд политических условий, из которых во главу угла должно поставить цензуру. При Романовых у нас даже не создалось типа России, кроме казенного типа, в виде красивой женщины в кокошнике, с мечем и щитом, под которым благоденствуют народности России, с почтением и любовью на нее взирающие.

Карикатура Бэтмана (H. Bateman).

Этот тип России был создан официальными художниками и навязан карикатуристам. Россия бытовая, не официальная, Россия Некрасова и «Записок охотника», посконная, пьяная, голодная, не имела своих карикатуристов, и если и попадались изредка такие рисунки, то они не делали типа.

В выявлении типа карикатуристы далеко отстали от литературы. Русская карикатура не создала ни типа помещика-крепостника, ни типа Колупаевых и Разуваевых, ни типа кающегося дворянина; цензура не позволила создать типа офицера и священника. В типах русских карикатуристов не было тонкой углубленности, про-



Карикатура Филиппона. Превращение головы Людовика в грушу.

никновенной психологии. Под их карандашом тип Колупаева ничем не отличался от обыкновенного типа купца, изображаемого в виде толстого детины, в длиннополом сюртуке и в сапогах бутылками.

До революции публика смотрела на карикатуру—отчасти и на сатиру, если только она не палила из такой тяжелой артиллерии, как Гоголь и Щедрин—как на что-то низшее, ненужное, как на только терпимую забаву; такой взгляд отражался и на качестве карикатуры и понижал интеллигентность наших немногочисленных журналов, так как, желая быть понятными для невзыскательной массы, потворствуя ее

вкусам, карикатуристы не занялись созданием сложного типа или слишком элементарно его разрабатывали.

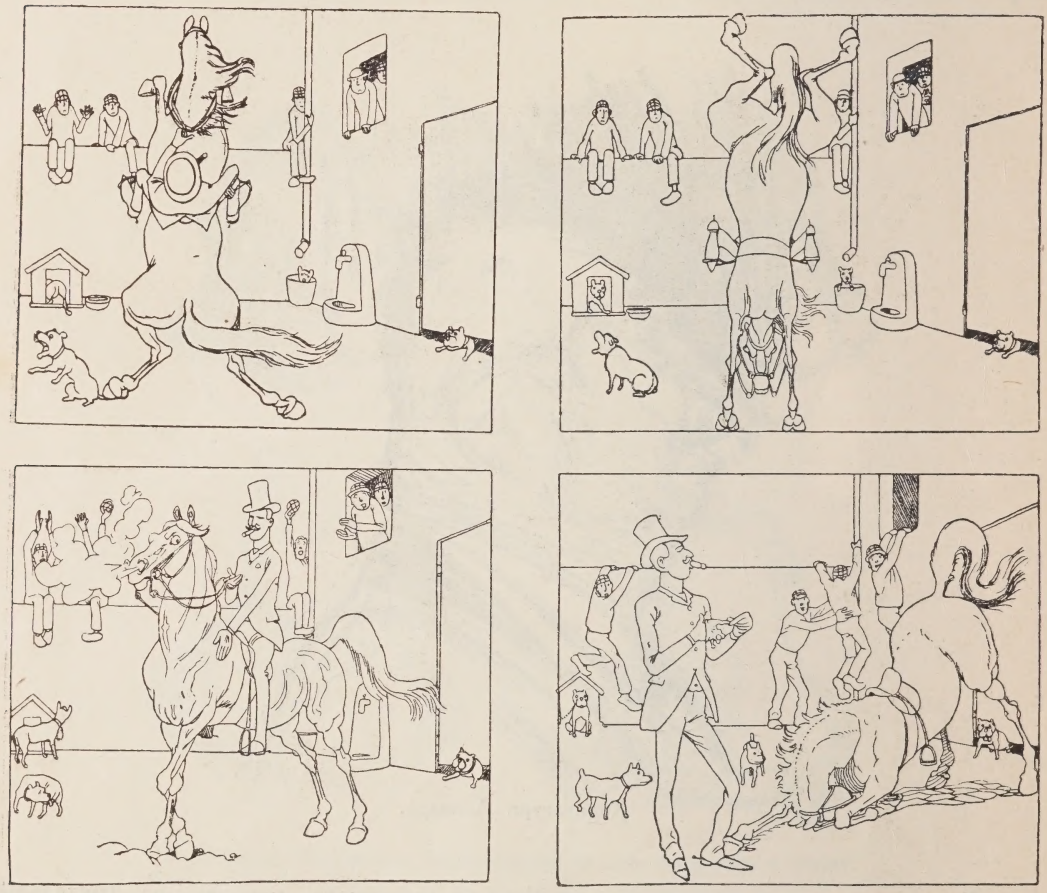
Русская карикатура не создала таких бессмертных, тонко понятых типов, какие создала, например, французская. У нас нет типа, равного по остроте трактования типу Жозефа Прюдома, созданного художником Моньэ, нет Роберта Макера, созданного Домье, Макера—циника и лгуна, великолепно характеризующего эпоху, его создавшую.

Карикатура Леандра.

Немецкая карикатура создала тип Михеля, покорного, глуповатого, трудолюбивого мужика, терпеливо сносящего всевозможные эксперименты начальства. Тип Михеля противуположен типу официальной Германии, изображаемой прекрасной Валькирией. Такое же превращение в символ мы встречаем и в изображениях известных личностей.

Типичны в этом отношении карикатуры на Льва Толстого. В жизни Толстой был невысокого роста, с неправильными чертами лица, с внимательными добрыми глазами, по-детски смотрящими из-под нависших бровей. Между тем, его изображали каким-то величественным старцем, не то мужицким апостолом, не то каким-то Мику-

лой Селяниновичем. Карикатуристы, которые Толстого не видали, собственно, изображали не его физический вид, а скорее ту величественную идею, носителем которой он был. То же можно сказать и об изображениях Вильгельма II. В фигуре Вильгельма очень мало настоящей величественной воинственности. Невысокого роста, с бутафорски напыщенным видом и казарменной выправкой, он под карандашом, и не только немецких карикатуристов, превратился в какое-то олицетворение всесокру-



Карикатуры Каран д'Аша.

шающей военной мощи, Зевса, пушечного грома; даже в сатирической и юмористической трактовке он не утратил эти черты.

Ницше, который в жизни был тщедушным человеком, с умным, но довольно ординарным лицом, изображается величественным мужем, у которого ни землетрясения, ни укусы блох не в состоянии изменить торжественной позы погруженного в свои думы философа. Из этих примеров видно, насколько больше живописи карикатура

Карикатура Каран д'Аша.

зависит от литературы. В живописи художник всегда корректируется природой. Без оригинала невозможно создать настоящего, психологического портрета. В карикатуре не то: может быть создан очень верный портрет-символ, ярко характеризующий данное лицо и всем понятный. Из всего этого можно вывести заключение, что насколько вредна тенденциозность в произведении художника-живописца, настолько она естественна и необходима у художника-карикатуриста. Тенденция это—сознательное намерение автора возбудить в читателе известную мысль, известное чувство, и таким образом способствовать достижению известной цели. Тенденция это—стремление провести идею в жизнь, приблизить действительность к идеалу. Без тенденции не может быть хорошей сатирической карикатуры, яркого выявления типа.

КАК Я РИСУЮ КАРИКАТУРЫ.

Очень трудно сказать человеку, желающему посвятить себя карикатуре, как ему надо работать. Индивидуальность и талант каждого должны сами направить его на верный путь. Можно только дать общие советы, которые необходимо помнить каждому, без которых работа будет только непроизводительной тратой времени.

Для карикатуриста очень важно выработать художественную память, так как ему очень часто приходится для карикатур наблюдать мимолетные сцены, быстро меняющиеся лица. Не всегда можно зарисовать, хотя бы даже очень примитивно, желаемое.

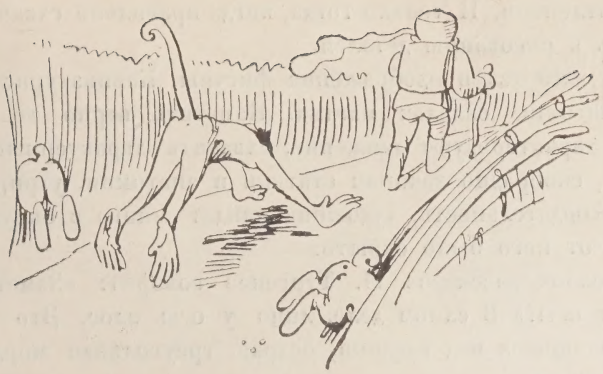
Лично я для развития в себе художественной памяти делал так. Заметив интересующее меня лицо, я, внимательно всмотревшись в него, рисовал его на память, а потом проверял уже по натуре.

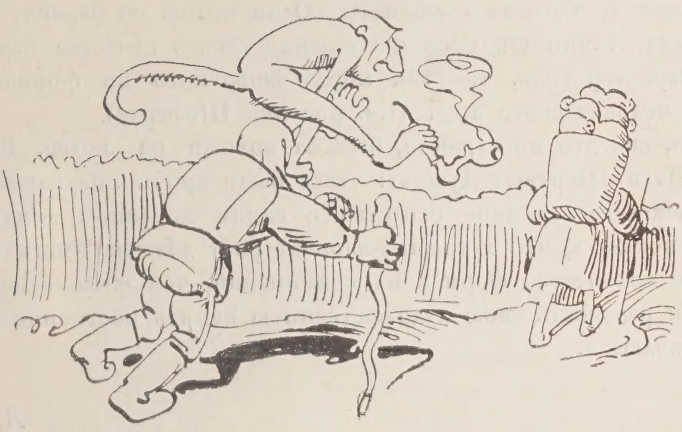
Можно делать рисунки с натуры, не утрируя их, а затем их использовать, как материал для карикатуры. Можно прямо с натуры рисовать карикатурный рисунок, но безусловно одно—нужно всегда исходить из натуры. Только натура поможет вам выработать свой собственный стиль, не позволит вам впасть в шаблон и манерность.

Самое ненужное это—копирование рисунков других художников-карикатуристов, слепое подражание их манере. Копируя кого-нибудь, художник уже берет выработанные формы на-прокат, он является плохой копией хорошего оригинала. Он будет или плохим Бушем, или плохим Каран д'Ашем, и только.

Художник-карикатурист, делая рисунки с натуры, должен помнить, что рисунки его являются материалом не для живописной, а для графической или рисовальной манеры, а потому карикатурист особенно должен обращать внимание на линию, на ее подвижность, на ее выпуклость. Живописность рисунка, отношения света и тени в наброске художника-карикатуриста не играют такой большой роли, как у живописца.

Внимательно вглядываясь в натуру, нужно брать прежде всего самое типичное. Особенно надо очень осторожно пользоваться деталями. Обыкновенно начинающий рисовать думает, что, изобразив на лице точно все морщины, родинки, складки кожи, он тем достигнет сходства. Это—совершенно неправильный взгляд. Надо всегда помнить, что сходство достигается только верно взятыми пропорциями, верно схвачен-





Карикатуры Буша.

ным общим впечатлением. И только тогда, когда правильно схвачен характер модели, можно приступить к рисованию деталей.

То же самое касается и изображения фигуры. Карикатурист особенно хорошо должен понять анатомию складок платья. Наметить верно те важные, типичные складки, которые характеризуют движение, схватить характерные особенности движения, правильно, сообразно законам статики и анатомии, утрируя его.

Развивая наблюдательность, художник найдет много в окружающей его жизни того, что раньше от него было скрыто.

В одном из своих рассказов И. Тургенев говорит: «Заметили вы, читатель, какое злое лицо у осы?» В самом деле, лицо у осы злое. Это делают усики, под острым углом сходящиеся над глазами, острая, треугольная мордочка,—в ней есть что-то мефистофельское.

Внимательно вглядываясь в человеческое лицо, карикатурист может найти в нем много черт, общих с чертами животного. Один похож на барана, другой на лису, третий на медведя. Лично для меня нахождение такого сходства значительно помогает схватить характер типа, так как морда животного по формам примитивнее, а потому легче человеческого лица. (См. рисунки Шеферда).

Даже вещи, как это ни странно, бывают похожи на людей. Вспомним обстановку Собакевича в «Мертвых Душах»:—«все было прочно, неуклюже в высшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома».—Этими примерами я хочу показать, что художник-карикатурист должен иметь в своем запасе гораздо большее количество форм и их комбинаций, чем живописец-реалист. А для этого он должен развивать свою художественную память, постоянно рисуя с натуры, постоянно ее наблюдая.

А. Радаков.

1556-773

Цена 1 рубль.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Харьков, Старый Пассаж, 22, „УНИЗДАТ“.

Ленинград, внутри Гостин. двора, 55, „УНИЗДАТ“.